anxa
88-B
10254

ОБЩЕСТВЕННАЯ

И

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Д. А. РОВИНСКАГО

Рѣчь сенатора **А. Ѳ. КОНИ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1896.

Книга к сочинению 10 экземпляр
и прилагается, публичное собрание
инж. Александр в пользу нем.
[illegible] Дмитрия Александр. Ковшеева.
декабря 1895 года СПБ 1896 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ

И

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Д. А. РОВИНСКАГО

Рѣчь сенатора **А. Ѳ. КОНИ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Май 1896. За Непремѣннаго секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. А. РОВИНСКАГО.

Рѣчь сенатора **А. Ѳ. Кони.**

Ваши Императорскія Высочества, Милостивые Государи и Государыни!

Немного болѣе года назадъ, въ началѣ осени 1894 года, къ небольшому домику-особняку, утонувшему въ глубинѣ сада, въ концѣ 4-й линіи Васильевскаго острова, подъѣхалъ человѣкъ, одѣтый болѣе чѣмъ скромно, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдою бородой и вьющимися сѣдыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ нахлобученной войлочной шляпы. Онъ привезъ въ свое обиталище, заваленное книгами, папками съ гравюрами и драгоцѣнными изданіями и украшенное лично взрощенными цвѣтами, переплетенный въ старомъ русскомъ стилѣ адресъ, въ которомъ говорилось о его неустанномъ трудолюбіи, о безграничной его любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ взглядѣ его на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленія... Этотъ старикъ былъ сенаторъ и почетный членъ двухъ Академій Дмитрій Александровичъ Ровинскій, — адресъ же былъ поднесенъ ему, по поводу пятидесятилѣтія его службы, его сослуживцами, сенаторами уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, въ которомъ онъ проработалъ неустанно двадцать-четыре года. То, что̀ было сказано въ адресѣ, были не обычныя юбилейныя фразы, тѣмъ болѣе, что Ровинскій,

предвидя возможность празднованія своего юбилея, „убѣжалъ“ за границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопребываніе,—не тѣ „приподнятыя“ слова, которыя, по обычаю, говорятся „октавой выше“ противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами имъ не вѣрятъ. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго имъ удобнѣе и точнѣе можно было разсмотрѣть въ теченіе долгой совмѣстной службы. Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни—„намъ и потомству въ назиданіе“. Въ этомъ пожеланіи невольно высказывалось и тревожное опасеніе. Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то „отпуская“ на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои ежегодныя далекія путешествія, свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдиной его бороду и длинныя, порѣдѣвшія кудри, придававшія ему такой патріархальный видъ, заставилъ потускнѣть полные ума и жизни прекрасные голубые глаза. Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе, которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со спокойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*, на *тотъ берегъ*. Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это сказывалось не въ одной его наружности, но и въ меланхолическихъ нотахъ его бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Онъ могъ съ гордостью остановиться на мысли о своей личной роли въ этомъ прошломъ, проникнутой истиннымъ и высокимъ патріотизмомъ и согрѣтой любовью къ русскому человѣку съ тѣми его дорогими свойствами, которыхъ по словамъ поэта „не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный“. По желанію товарищей Ровинскаго не суждено было осуществиться — и опасенія ихъ оправдались... Въ настоящемъ торжественномъ собраніи, посвященномъ его *памяти*, личность и дѣятельность его будутъ, конечно, совѣщены со всѣхъ сторонъ. Мнѣ предстоитъ указать на сторону служебную, но да позволено мнѣ будетъ коснуться и своихъ личныхъ воспоминаній объ усопшемъ.

Государственная служба Ровинскаго началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившійся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой департаментъ сената 13-го іюня 1844 года, тотчасъ по окончаніи курса, однимъ изъ первыхъ, въ Училищѣ правовѣденія. Седьмой департаментъ, гдѣ уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскій занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ „бѣлокаменную“ влекли молодого юриста воспоминанія дѣтства и родственныя отношенія.

Съ начала 1848 года Ровинскій, оставивъ сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, съ лѣта 1850 года въ теченіе почти трехъ лѣтъ—обязанности товарища предсѣдателя московской уголовной палаты, а въ августѣ 1853 года былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учрежденій, имѣла огромное значеніе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ несудебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей судебныхъ уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности прокурора, придавая ему „обвинительную“ обособленность, быть можетъ, и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса.

Губернскій прокуроръ съ губернскими стряпчими составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи, учрежденіе, такъ-называемую „прокурорскую камеру“. Онъ имѣлъ надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: „читалъ“. Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обяза-

тельными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ интересы казны, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы населенія, не допуская съ него никакихъ, не установленныхъ закономъ, сборовъ, — интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей, подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумасшествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ, онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія „безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ", и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, выдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя „окомъ царевымъ".

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но даже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою. Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій „поросло бы травой забвенья", еслибы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 году влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую — ему было еще только 29 лѣтъ — жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и въ особенности административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора — именно московскаго — за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское „читалъ“ для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній, — область дѣятельности прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 года въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ семнадцатилѣтней опалы. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный, слабый отецъ, онъ творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженія Закревскаго во всякія дѣла, и въ томъ числѣ судебныя, особенно гражданскія, были явленіемъ частымъ и, безъ сомнѣнія, составляли соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобъ охранять законъ и исполнять свои обязанности, „не взирая на лица“. Неслышное и по большей части незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Не даромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ укоризнами къ генералъ-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права

the-Fields, London. He was also a copyist in oil colours. Some of his works are still preserved at Hampton Court Palace.

We may now advantageously take into consideration an interesting group of portraits contributed by the Rev. Edward Charles Harington, Chancellor to the Cathedral of Exeter, and principally relating to the Harington family. With the exception of the first lord, I am not, however, aware that they have any immediate connection with the County of Devonshire.

The first is a curious picture, No. 124, of Sir John and Lady Harington, two half-length figures standing side by side, looking at the spectator, each wearing a large round radiating ruff, and attired in richly-embroidered Court dresses. Sir John, Queen Elizabeth's "saucy godson," is the well-known translator of Ariosto, and son of that John Harington who was imprisoned in the Tower by Queen Mary for holding correspondence with the Princess Elizabeth. Sir John was knighted in Ireland by the Earl of Essex, and enjoyed, with occasional interruptions, the favour of his Sovereign. His poem "To the Queen's Majesty" is signed "From your Highnesse Saucy Godson."[5] Some of his private letters afford curious insight into the bodily condition of Elizabeth in her declining life. The lady here represented is repeatedly mentioned in the "Nugae" as "My Mall," but I do not find any particulars as to her family. The Queen appears (page 223) to have held her in friendly intercourse. Fuller, in his "Worthies," (vol. ii. p. 287), speaks highly of his literary attainments. He here appears as a very dark man with a long thin face and pointed black beard. The face accords with the well-known engraving, the frontispiece to his translation of "Orlando Furioso," with a watch on a table before him, dated 1591, aged 30. There is no inscription on this picture. Harington was born at Kelston, near Bath, in 1561, and died in 1612.[6]

A very interesting picture, No. 130, represents Sir John Harington, who succeeded his father in the knighthood, 1592, which is the date upon this picture. He afterwards was raised to the peerage by James I. in July, 1603. He had been tutor to the Princess Elizabeth, and died at Worms,

[5] Nugae, ed. 1779, vol. ii. p. 217, and pp. 65, 78, 209, 223.

[6] Richardson, pl. 117; Bromley, p. 57.

when attending her at Heidelberg, on the occasion of her marriage to Frederick, Elector Palatine, 1613.[7] She was afterwards Queen of Bohemia. The bust of Lord Harington appears in this picture life-size, wearing a large radiating ruff, by the side of a large shield of arms, to the spectator's left. The first half of the shield contains eighteen quarterings. The first quarter of the second half is that of his wife, Anne Kelloway, daughter of Robert Kelloway, Surveyor of the Court of Wards and Liveries.[8] She survived her husband. Her mother was daughter of Sir — Boulsted. Sir John's face is ruddy, with brown curly hair and grey eyes. Only the shoulders are seen, and the dark dress is not easily to be distinguished from the deep brown background. The nose appears less aquiline than in the engraving by Pass in the "Herωologia," but the latter was done after some interval of time, having been published in the year 1620.

The portrait No. 129, erroneously called the "Protector Seymour." Somerset never wore such a costume, and was a very different looking personage. This is in reality the second Lord Harington, son to the preceding, who was born at Combe Abbey, the property of his mother, the heiress of Kelloway.[9] He only held the title one year, and died at the early age of 22. He was remarkable for his piety, and was a liberal benefactor to Sidney College, Cambridge. He died at Kew. Thane[1] says of him: "The pious and amiable Lord Harington, who had been occasionally the companion of Henry Prince of Wales" (his father was tutor to the Prince's sister), "died at the age of 22; his learning and experience was far beyond his years." This picture corresponds exactly with the engraving by Pass in the "Herωologia," p. 134. It is painted on canvas, in a greyish tone, with much care, and is probably the work of Kay, one of the leading foreign artists of this period. Harington appears with Prince Henry in the well-known hunting group (killing a stag) at Wroxton Abbey. As Harington died unmarried, his property passed to his two sisters, Lucy and Frances.

Lucy Harington, who became wife of Edward, third Earl of Bedford, and was remarkable for her display and extra-

[7] Fuller's Worthies, vol. ii. p. 243.
[8] College of Arms, Vincent, 10.
[9] Fuller, vol. ii. p. 419.

[1] British Gallery of Historical Portraits, vol. i. p. 33. London, 4 vols. 8vo.

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло помощи заключенному, утѣшенію его и заботѣ о немъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ офиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „Торопитесь дѣлать добро!“ Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ. „Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ“, сказалъ Филаретъ, — „о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ — значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!“ вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе — осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: „Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ, — Христосъ меня позабылъ!..“ — благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ — уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на

мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы — „батюшка, ну, сдѣлайте это для меня, двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“, говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ — пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“, производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно ослушаться, да и „втереть ему очки“ — нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частные дома“ съ ихъ такъ-называемыми „съѣзжими“. Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. Если нѣкоторыя городскія части пріобрѣли свою особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличался въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь немедленно имъ уничтоженныхъ подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами“, и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ“.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была „клеймена Россія“, давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всею своею тяжестью и оказывало свое растлѣ-

вающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя графъ Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX-го, крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, то-есть, каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившіяся къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію онѣ подвергались, особенно если имѣть въ виду, что, по ст. 221 второй части XV-го тома, крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь *за недостаткомъ* другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ графомъ Закревскимъ, и въ уголовной палатѣ спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о „возстаніяхъ“ крѣпостныхъ и, лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось „дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества“, было подъ часъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности „жертва“ была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею, — и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся впослѣдствіи между прочимъ и на его представленныхъ въ государственную канцелярію, въ 1860 году, разсужденіяхъ о необходимости „различать безсвязныя волненія отъ того, что̀ еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія“.

Когда, по выраженію А. П. Ермолова, въ 1856 году „зардѣлась заря освобожденія крестьянъ“, и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться не возможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе — своего рода „сдача въ архивъ“ — являлось лишеннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ производства которыхъ въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронію нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи до судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко въ прекрасной біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ Архангельскъ отца Перова, губернскаго прокурора въ Тобольскъ, просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы. Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за „своего“ губернскаго прокурора, и благодаря его письму, отъ 19-го апрѣля 1857 года, послѣдній остался на мѣстѣ. Впрочемъ, служебные дни самого графа Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты Престола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ, уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу, повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ „заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей“ (Русскій Архивъ 1885 г.), и утверждалъ

громогласно, что „въ Петербургѣ *одумаются*, и все пойдетъ по старому“.

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполнѣ спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ дало ему возможность поработать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ „безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола“. Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9-го сентября 1858 года: „Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій; о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать, — это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастію, не употребляются“.

Изданіе давно и страстно ожиданнаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе „Наказа судебнымъ слѣдователямъ“ были важнымъ шагомъ къ доступному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутиной и соблазнами жизни людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось. Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полная практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго сначала въ послѣднемъ недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе, была своего рода разчетомъ съ начинавшими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, тогда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Бо̀льшая часть

изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни! Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками*! Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„что вы служили дѣлу, а не лицамъ;

„что вы старались дѣлать правду и приносить пользу;

„что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками“.

Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи. Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду.

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа выработывалась „горестно и трудно“, — горестно для любившихъ исключительно себя, трудно — для любившихъ русскій народъ, то на оборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи госу-

дарственнаго совѣта по дѣлу Баташова, отъ 16-го ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, „ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства“, по справедливости можетъ считаться первымъ лучомъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ, и поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской безгласной и бездушной расправы, какъ желательный и неприкосновенный, или прикрываясь лукавою осторожностью, рисовать „пагубныя послѣдствія“ предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы, старый судъ не внушалъ привязанности никому; отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь „въ судахъ полна неправды черной“, было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ, въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто, — всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости реформы, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ затаенной и любовной оглядки на близкое прошлое, стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и человѣка, могущаго служить, подобно Ростовцеву, мишенью для недовольства, ненависти и клеветъ, плохо прикрываемыхъ умышленно - близорукою и прозрачно - недобросовѣстною критикою порученнаго ему дѣла. Печать и общество съ спокойною увѣренностью ожидали результатовъ судебнаго преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили однако подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣденіями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики*, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ

политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели*, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора „Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства", графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно-законодательнаго характера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебнаго устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столкновеніямъ, запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *слѣдственнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному*, предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, „имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты". Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія „депутатовъ" при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительныя объясненія. Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія

къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства. Къ этой группѣ принадлежало большинство „отцовъ судебныхъ уставовъ“, то-есть, членовъ Высочайше учрежденной коммиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части.

Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго „за кулисами“ отжившаго суда, примиряться и съ мыслью о постепенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, „заглушалъ плевелъ старинный—величья новаго посѣвъ“.

Принадлежавшій Ровинскому экземпляръ общей объяснительной записки графа Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій имъ смыслъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли въ него ничего такого, чего что не могли бы всосать въ себя рутина и „приказное“ отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не приращать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень краткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его. Въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“ Ровинскій со свойственною ему образностью выражаетъ мысль о безполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, разсказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей Ивана Ва-

сильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ приказахъ, съ произволомъ и „кормленьемъ“ воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіей, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. „Либеральныя декораціи“, говоритъ онъ, — „не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: „прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками“. По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меншикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпринятыя въ 1838 и 1839 годахъ относительно государственныхъ крестьянъ, „улучшеннымъ бытомъ въ уменьшенномъ видѣ“. Поэтому патетическія выраженія „Общей объяснительной записки“, въ родѣ указанія на „естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи“, не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ.

На приглашеніе доставить соображенія о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину государственнаго совѣта и обращенное государственною канцеляріей къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствія, объ обвинительномъ началѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и наконецъ, о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ Московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло — введеніе уставныхъ грамотъ, преобразиться въ „мирового судью—не

юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по совѣсти". Дѣятельный мировой судья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго, — защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околодка; онъ — первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *проѣзжіе*, онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ первой степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что впослѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи, вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассаціоннаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ: гдѣ взять людей? Онъ однако отвѣчалъ, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. „Конечно", писалъ онъ, — „дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное, еще полезнѣе должности мирового посредника". Теплое, можно сказать, благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся

общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда „насталъ великій мигъ, въ скрижаляхъ царства незабвенный“; любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ.

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло однако гораздо болѣе сложную задачу. Длѣ него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были представить ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, не испытаннаго и притомъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высокомѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впослѣдствіи горячо высказывался Ровинскій съ своихъ „Народныхъ картинкахъ“ (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ, былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности*. Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкой взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ, или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ во второй части XV-го тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло, поэтому, для стараго суда большой цѣны показаніе „явнаго прелюбодѣя“ или „портившаго тайно межевые знаки“, или „иностранца, поведеніе котораго не извѣстно“, да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ

незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ нимъ и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріей на первый планъ, какъ „лучшее доказательство всего свѣта", собственное сознаніе обвиняемаго имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ* дѣла—потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подъ часъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ „упростить" дѣло; на *исходъ*—потому, что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ, или въ лучшемъ случаѣ, оставленнымъ „къ подозрѣніи" и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть „къ добру и злу постыдно равнодушнымъ", прежнее положеніе.

Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой, съ желаніемъ по возможности добиться справедливости судья, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его сознанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго въ *сильномъ подозрѣніи*; судья, „въ приказахъ посѣдѣлый", привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ „спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ", безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія. Вслѣдствіе того, и въ то же время не смотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на рядъ примѣровъ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что осно-

ванія опредѣленій виновности, связанныя съ теоріей формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ въ рукахъ. Хотя въ литературѣ еще съ 1858 года раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но среди многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ „Сводѣ“, ни даже въ „Полномъ собраніи законовъ“, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ большими политическими потрясеніями, едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое возбужденіе вопроса о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ однако на дѣло иначе. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ учрежденію суда присяжныхъ. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и опирающихся на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ

своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. „Надлежитъ ли“, спрашивалъ графъ Блудовъ, — „для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожъ прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварителънаго къ нему приготовленія, и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли“. Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. „Въ настоящее время“, писалъ онъ въ своей запискѣ, — „едва ли полезно установлять у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда бо̀льшая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удальствомъ, а преступники—только *несчастными*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ

изъ его круга. Не трудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ; для сего уже одного здраваго смысла далеко недостаточно".

Высокое оффиціальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа къ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что̀ высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко талантливый профессоръ уголовнаго права.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

„Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это", писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,— „противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія. Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго платьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами,—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи

уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны, — и это правда. За это сострадание слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія".

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, тридцать-пять лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскихъ народныхъ картинкахъ" есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному". Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный, — а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ, — съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до суроваго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ въ 1754 году, касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи, въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія, ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ „Свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства" указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подслѣд-*

ственныхъ арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе четырехъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ „за справками“. Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокатріо Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ зàмковъ, но замки эти были каплею въ морѣ, и тюрьма по прежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ разсчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: „въ темницѣ бѣхъ“. Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: „Какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова Thurm — башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ; на шею надѣвалась имъ рогатка; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, то-есть, къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные клинья, чтобъ они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія“.

Но и въ первой чтверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ были не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Венинга, поданная императору Александру I, данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза, и нѣкоторые офиціальные памятники изъ дѣлъ того времени рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ по-

лутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія: колодки, приковываніе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложится и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собою ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія „безобразія“. Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣлатели, а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей.

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ; другое и притомъ, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и въ необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было

освобождено „по многомъ держаніи“ 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но „ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей“. Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ солдаты и въ арестантскія роты *безъ суда*, сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской „Елизаветъ Воробей“, и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ, въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10 — 15 человѣкъ, воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты, истощенные и блѣдные, „а вѣдь все это люди, только лишь обвиняемые и, быть можетъ, вовсе и не виновные“. Представленіе объ арестантѣ какъ о *несчастномъ* слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 году, но продолжали неофиціально существовать подъ именемъ допроса „съ пристрастіемъ“ до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, „какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее“. Но народъ не могъ забыть о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали „на связкахъ“ каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ, и выраженія „согнуть въ три погибели“, „выпытать всю подноготную“ и т. п. съ несомнѣнностью указываютъ на пыточ-

ные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди; наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утонченны, чѣмъ, напримѣръ, подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ „Народныхъ картинкахъ“ справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 гг.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ „обряда, како обвиненный пытается“, и съ подробнымъ описаніемъ, какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ „оный злодѣй весьма ізумленнымъ бываетъ“, такъ и способовъ усугубленія ихъ, „дабы оный болѣе істязанія чувствовалъ“.

Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ*, указываетъ Ровинскій. Онъ говоритъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и, конечно, пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ „Народнымъ картинкамъ“ Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ ссылкахъ, приводитъ описанія кнута, плетей, шпицрутеновъ и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ, старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ „нещадно“, въ XVIII вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 году человѣкъ былъ замѣненъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 года плеть была замѣнена въ 1840 году, по положенію комитета министровъ, трехвостою въ 1847 году; установлены и разосланы по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ „образцовыя розги“; въ 1846 году медицинскій совѣтъ преподалъ правила для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клеймъ на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ, и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. „Со стороны“ никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣдѣній о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессіональ-

ныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, пріѣзжающій къ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за „туалетомъ“ осужденнаго и брезгливо трогающій рукою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины, у насъ немыслимъ. До *этой* стороны западной культуры мы совершенно не доросли, да, вѣроятно, никогда и не доростемъ. У насъ палачи набирались изъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей, и между прочимъ знаменитаго семидесятилѣтняго „Алешку“, разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетьми, съ обычнымъ: „Берегись, ожгу!“ Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозитъ, что онъ и самъ имѣлъ несчастіе видѣть картину проводки сквозь строй, при чемъ уже пятьсотъ ударовъ шпицрутенами составляло, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь.

Въ то время, когда графъ Елудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности, потому что у него существуетъ представленіе о „несчастномъ“,—ужасныя картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, были отправляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма. Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ „несчастному“, а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то съ другой стороны, господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ офиціальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно, не будетъ забыто русскою исторіей. Къ та-

кимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода „caeterum censeo“ всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ въ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ обязанности подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего уложенія о наказаніяхъ, что въ свою очередь представляется дѣломъ весьма сложнымъ, и притомъ едва ли своевременнымъ, и т. д., и т. д. „Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію“, говорилъ онъ,—„и упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ; организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи, и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращенной тюремной средѣ“.

Когда свершилась въ 1863 году съ тревожною надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ „Народныхъ картинкахъ“ виды и способы выполненія наказаній „на тѣлѣ“, говоритъ: „Съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю не зачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго „чистосердечнаго признанія“,— сознавайся не сознавайся, а если виноватъ, обвиненъ все-таки будешь,—а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены,

несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, „что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ“, и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... „Всуе смятошася и вотще прорекоша!“ Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ... И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣлателя!“ прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ „Словарѣ гравированныхъ портретовъ“ (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей Русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Русская жизнь подтвердила его слова тридцать-пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, заглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

„Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ между прочимъ отъ того“, писалъ онъ въ 1863 году,—„что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части и въ ожиданіи ихъ не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣлые милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту; что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами, и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо

жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и проносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полнаго уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей". Въ 1881 году онъ возвращается въ „Народныхъ картинкахъ" снова къ вопросу о тюрьмахъ и о „несчастномъ". Весь Ровинскій, съ его теплотою, оригинальностью и близостью къ простому русскому человѣку, на страницѣ 329 IV-го тома этого изданія. „Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе, и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче", говоритъ онъ, — „и кажется, всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе, и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьею, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа — военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, *на особыхъ конечно условіяхъ*, въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго; спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ, — ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни... А сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала", продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, жизненная правда звучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности, — „матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится къ арміи и пойдетъ въ дѣло.

Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ не привыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа... Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ", заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ, — „но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго*!"

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ „несчастнымъ" приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было не возможно въ то время спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которыхъ освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки, зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. „Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ", писалъ Ровинскій въ 1861 году, — „то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро освоиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое обра-

зованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось, и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло".

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйствіи, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападкамъ, при чемъ призванные и не призванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною милліоновъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, созванное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 году, своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводѣ безусловно въ пользу присяжныхъ. Совѣ-

щаніе признало, что этотъ судъ, жизненный, имѣющій облагороживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими широкій и предусмотрительный взглядъ Ровинскаго на постановку новаго судебнаго дѣла и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ судебныхъ уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя „ветхаго Адама“, стараго судебнаго устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣденій для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей московской судебной палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto, въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ „Свѣдѣній о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской“. Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій вносилъ во все живую струю, и благодаря тому, „Свѣдѣнія“ представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей несостоятельности разрушаемаго судебнаго строя и всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ. Любимое „caeterum censeo“ Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ

настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполнѣ способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: „Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе; только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены разсчетливо и сообразно съ его дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему „Основными ооложеніями“.

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: „нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ“ было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вѣдомствъ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года—31-го декабря 1865 года—министръ юстиціи Замятнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Петербургской и Московской губерніяхъ окружныхъ судовъ и палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 года. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и славы Россіи*». Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству Замятнина, объявлены по вѣдомству министерства юстиціи, призывали судебныхъ дѣятелей не къ одному только исполненію зауряднаго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Ими не только возлагались великія обязанности, но и ставились высокія задачи.

Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнитъ то одушевленіе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положеніемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Но если въ этомъ отношеніи было много *званыхъ*, то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограничено. Для того, чтобы попасть въ послѣдніе, нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Недаромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей столичныхъ окружныхъ судовъ, — носители которыхъ, за исключеніемъ одного, уже давно сошли въ могилу,—пользуются заслуженнымъ уваженіемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность. Будущему историку судебной реформы предстоитъ съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтиться съ ихъ работой и нравственнымъ обликомъ.

Въ числѣ „избранныхъ“ оказался и Ровинскій, назначенный приказомъ, отъ 4-го февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой московской судебной палаты. Трудно было сдѣлать лучшій и болѣе подходящій выборъ. Вся прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора, энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманія народной жизни и общественныхъ потребностей, все говорило за это назначеніе, подсказывало, предписывало его.

Ровинскій бодро, горячо и съ видимымъ удовольствіемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организаціи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой выборной юстиціи, прокурору палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и административными мѣстами и лицами, устраняя у разъясняя многія недоразумѣнія и „недоумѣнія“, принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ; второе осуществляется съ болью, съ

оглядкою назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода „insula in flumine nata“, теоретическія симпатіи стали нерѣдко смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, „не взирая на лица“, обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права, изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ, и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединяло нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели, правда, въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но за то болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ яхъ „слоеномъ пирогѣ“ (такъ въ шутку были названы судебные уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго „Свода“ и откликавшимся, лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій „незваный гость, докучный собесѣдникъ“. Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866 и 1867 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время „не норовя своимъ“, которые

въ первое время впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе того и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора окружного суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, не испытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и притомъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось—уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступавшаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебнаго округа, прокурора судебной палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника пятаго класса, судившагося въ палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за преступленіе по должности.

Въ первый годъ существованія новыхъ судовъ Ровинскій постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ палаты по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, *какъ* надо вести дѣло, являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ—выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и, никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить другихъ во что̀ бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ

„безобразіе“, онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но за то никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя „обращаться со словомъ честно“.

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ искалъ ихъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора московскаго суда и затѣмъ сдѣланъ калужскимъ прокуроромъ блестящій умомъ, страстный и одаренный громадною энергіей Н. А. Манасеинъ; онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ стряпчихъ М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно связана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебнаго краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что̀ онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ „законодательнымъ зудомъ“, и вслѣдствіе того неохотно относившійся къ возбужденію разнаго рода вопросовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался ко всему, что̀ могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду „ne quid detrimentum fori capiat“, и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣлового юмора. Спокойный — онъ былъ, пока не окрѣпли новыя учрежденіи, „toujours en vedette“; добрый и невзыскательный — онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ, трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Голова и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Наконецъ наступила для Ровинскаго пора сознанія, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно. Наступило и право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ,

менѣе тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, — занявъ съ 1-го марта 1868 года должность предсѣдателя уголовнаго департамента московской судебной палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею „по существу". Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна для публики. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время судебнымъ палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе; но трудъ, выполняемый въ этихъ по большей части непубличныхъ засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ бываетъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и наконецъ душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда, помимо всего остальнаго, подтачиваемомъ предварительнымъ, до суда, лишеніемъ свободы. Будущій авторъ „Русскихъ народныхъ картинокъ" отлично сознавалъ все это, и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, а подъ-часъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противувѣсомъ тому, что̀ Гёте въ „Фаустѣ" называетъ „die richtende gefühllose Menschheit".

2-го іюля 1870 года Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подъ-часъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ „существа дѣла" кассаціонной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно, не безъ сожалѣнія отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и истолкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за изслѣдованіе — какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ

М., обругавшемъ крестьянку Н. или правильно ли примѣненъ карателный законъ къ нарушенію статей какого-нибудь спеціальнаго — акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ „широкихъ горизонтовъ“ и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью, и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе сената въ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, сенатъ быстро пріобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но за то недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, вліяніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. „Правительствующему сенату“, говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2), — „принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ“. Исторія сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частныхъ злоупотребленій или общихъ безпорядковъ въ управленіи, „алкало и жаждало правды“. Поэтому „дойти до сената“ часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ; поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности „сенаторовъ“ и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ „безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ сената правосудіемъ“. Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассаціонная работа сенаторовъ, въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь сената съ населеніемъ, въ которомъ каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ, не довольствуясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя — именно въ виду этого отдаленія и высоты его — сомнѣваться...

Трудъ, который несъ Ровинскій въ сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изло-

жено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резолюцій, всего 7.825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа, и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ, пойметъ, *что* значитъ эта почтенная цифра, особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій семидесяти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутливое названіе „коротышекъ", но въ направленіи, которое давалось этими „коротышками" дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, на сколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствіи этихъ указаній тому или другому нумеру рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его „кассаціонную безучастность" и заставляло его вспоминать, что „qui n'est que juste est cruel"... „Плохой кассаторъ", говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія, — „все смотритъ въ существо"... „Ровинскій!" многозначительно отвѣчали знавшіе его близко — и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ „плохого кассатора". Было бы однако ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравствен-

ному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Корыстныя и обдуманно злыя, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣла о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта, ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другихъ, Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, вопросъ о злостной несостоятельности и о пособничествѣ къ ней, одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта, разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, „дабы на то глядючи и другимъ впредь то неповадно было дѣлать“.

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись, не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и „волокиты“ слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати, твердо и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ сенатъ признать, что употребленіе словъ „говорятъ, что“... предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что̀, будто бы, „говорятъ“.

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу сотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно, не любя

отступать отъ нихъ, оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая на защиту ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что мнѣнія похожи на гвозди: чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ. Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловною независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ сенатѣ внезапно прервалось, эти товарищи почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ у нихъ присоединилось сознаніе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ.

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей „общеутвержденнаго“ образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему она ни прикасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не замѣтить. Но быть можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей современной практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ и народный бытъ со всѣми своими особенностями охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами; арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представилъ предъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложив-

шимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключомъ настоящая, безъ всякой „городской“ примѣси, и не развращенная фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣдѣніями и пополняло его собранія, и онъ могъ, подобно нѣмецкому писателю-этнографу Рилю, съ полнымъ правомъ сказать: „Ich habe meine Bücher erwandert“, я „выходилъ“ мои книги. Сохранилось много разсказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернскій прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и разспросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимообразной помощи у недоумѣвающихъ губернскихъ властей. Онъ самъ впослѣдствіи съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ Бутырки, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: „Я въ свое время занимался *хожденіемъ въ народъ*“.

Благодаря этому хожденію, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни и „опростился“ въ собственномъ образѣ жизни. Простая, скудная и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что-нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика; только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую тележку. Простота и веселая непринужден-

ность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: „Будьте прежде всего *людьми*, а потомъ уже *чиновниками*“ онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ двадцати-пяти членамъ коммиссіи, которые, при начертаніи судебныхъ уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что „если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть“.

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство были ему всегда до крайности непріятны и встрѣчали въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. Живой, подвижный, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда я былъ назначенъ—по выбору товарищей, согласно съ заведеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ „О судебной службѣ“,—секретаремъ при прокурорѣ московской судебной палаты и пришелъ представляться новому начальству, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію отворилась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысиною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ пробритою на подбородкѣ окладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно, „готовыми“ сапогами; изъ-за воротника сюртука виднѣлся отложной, мягкій воротъ рубашки, завязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ офиціальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: „*Меня* зовутъ Дмитрій Александровичъ; а вотъ пойдемте-ка въ кабинетъ да потолкуемъ“. Въ кабинетѣ, вытащивъ не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кар-

мана брюкъ серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: „Ну, батюшка, кто вы? да что вы? разсказывайте-ка!“ началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя чрезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени. Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно, а по мѣрѣ надобности. „Ну-ка! давайте-ка господа, что у васъ есть“, говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую позу, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая на словахъ краткія, рѣшительныя и всегда „смотрѣвшія въ корень“ резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: „Пусть полежитъ! Пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что̀ надо дѣлать; нечего ублажать этихъ „приказныхъ“, имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху“. Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ безплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя, чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. Притомъ, опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ-называемыхъ „вопросовъ“ обыкновенно обусловливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣятелей возбуждалъ, въ обширномъ и красиво переписанномъ представленіи, какой-либо „важный и настоятельный“ вопросъ, въ сущности разрѣшаемый судебными уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ „Аннѣ Карениной“, что все „образуется“. И дѣйствительно, смотришь, все *образовалось, и притомъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ.*

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывалось у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды. Его трезвый, слегка скептическій умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочного самолюбія. Онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупой, и добирался до ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были однако очень подвижны и воспріимчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу, ерошилъ себѣ волосы, теребилъ бороду, безсознательно бормоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались иногда, мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза — если это былъ докладъ — мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ, или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотрятъ пристально и серьезно, и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся, меломанъ и театралъ, умѣвшій сосредоточенно наслаждаться искусствомъ, вѣчно занятый пополненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ однако все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряженія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою всегда быструю и содержательную работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый, — увы! — исчезнувшій нынѣ Сундучный рядъ за закуской или пирожками. Съ усталымъ лицомъ, но бодрый и веселый, выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ

отдохнуть, усѣвшись на столъ и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами „de rebus gestis et aliis“, пересыпая свои разсказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитаго. „Ну, довольно“, прерывалъ онъ наконецъ свою бесѣду,—„прощайте, господа; посмотрите-ка, что̀ я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ „наваракcалъ“, да приведите это въ порядокъ,—кажется, выйдетъ ладно“.

Въ служебной работѣ, да вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномѣрности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе, такъ сказать, пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старый Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтуни, въ свой маленькій „хуторъ“, хранившій для него освѣжающія и успокаивающія впечатлѣнія. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекій звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней. Если необходимость разрѣшенія и подписи неотложныхъ бумагъ заставляла нарушить его уединеніе, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣніемъ. „Подписалъ?“ спрашивали въ канцеляріи у возвратившагося съ Сѣтуни курьера, носившаго историческую фамилію Пугачева. „Подписали, да только бранятся“. „А что̀ онъ дѣлаетъ?“ „Да до обѣда цвѣты сажали, а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты“. Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженныя и обновленныя силы возвращались съ прежнею и даже большею энергіею, и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ сенатъ тревожныя впечатлѣнія отвѣтственной службы прошли для Ровинскаго, и временный отдыхъ на Сѣтуни оказалось возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествіями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться къ большому странствію и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собраній и новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 года онъ объѣздилъ всю Европу, до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея

уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, былъ въ Индіи, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японіи. Послѣднее отдаленное его путешествіе, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершено имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его „Народныя картинки“ содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчаній, сравненій и указаній, вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ: какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ? — онъ отвѣчалъ: „Да я и здѣсь себѣ Москву устрою“. И дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго „парадиза“, онъ устроился на Васильевскомъ островѣ въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, въ которомъ и прожилъ до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или офиціальныхъ посѣтителей, но радушный и привѣтливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и „у Василія на Островѣ“ тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III, и никогда не хотѣлъ играть никакой офиціальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма 1877 года): „Quand on est *quelqu'un* — pourquoi vouloir être *quelque chose*?“ Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственнымъ „склерозомъ“ чувства и движеній сердца, онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что „человѣкъ, въ разгарѣ дѣятельности, подобенъ солнцу: чтобъ имѣть о немъ понятіе, надо видѣть его при восходѣ или при закатѣ“.

Но его стало тяготить пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность людей, отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и наконецъ, такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. „Да! все сижу дома“, сказалъ онъ зимою 1895 года своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ, — „да и что̀ ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хоть въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*“.

Напротивъ, сердце его лежало къ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. „Il faut“, говоритъ Гонкуръ, — „que le passé nous revienne au coeur, — le passé, qui ne revient que dant l'esprit est un passé mort“. Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ разсказахъ онъ возвращался съ любовью къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда я попытался, въ 1892 году, оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Ѳ. П. Гааза, Ровинскій сказалъ мнѣ при первой затѣмъ встрѣчѣ: „А знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Ѳедоромъ Петровичемъ? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ, и такъ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ“. Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда одинъ изъ его сослуживцевъ этой эпохи затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоцѣнное изданіе фототипій съ офортовъ Рембрандта и просилъ замѣнить его „Перовымъ“, Ровинскій писалъ ему, 24-го декабря 1894 года: „Перова“ я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и „Рембрандта“ назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите: кому же, какъ не вамъ, дорогому и *не измѣнившемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните, сколько кропотливаго труда положено на нее“.

Въ этихъ краткихъ словахъ — характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать, и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего богатаго опытомъ и знаніемъ жизни ума. Ядовитое слово Бисмарка: „eine beurlaubte Leiche“, столь вѣрное и нравственно, и физически по отношенію ко многимъ, было совершенно непримѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассаціонной резолюціи: „Въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. устава уголовнаго судопроизводства, прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій*, а мнѣ по прежнему называться человѣкомъ сердечно вамъ преданнымъ“....

Между тѣмъ „тотъ берегъ“ приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ своей родинѣ богатое наслѣдство знанія и труда, знавшимъ его — свѣтлый, привлекательный образъ. Онъ вступилъ на „тотъ берегъ“ 11-го іюня 1895 года, близъ Франкфурта-на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ, чтобы заняться офортами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился — и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина онъ самъ говоритъ: „Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни; до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ; ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ „Святымъ Семействомъ“, онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебедеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: „Какъ хорошо отдохнуть поработавши!“ Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Пріѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: „О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ быть, и безъ его инструментовъ еще на годъ обойдусь. *Работа* моя съ Остадомъ идетъ успѣшно;

отсюда въ Парижъ и Лондонъ на *работу*, и пробуду тамъ 18—26 дней".

„Работа, работа и работа!" восклицаетъ въ краткой замѣткѣ о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ („Русскія Вѣдомости") — „и это въ 70 лѣтъ! Честный неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣсницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ, знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце!"

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Сѣтуни, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что посмертное возвращеніе для Ровинскаго на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ „пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера", онъ просилъ Государя Императора принять для Императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцовскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; Императорской Публичной Библіотекѣ оставилъ собраніе до 50.000 иностранныхъ портретовъ и полный (свой личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; Академіи Художествъ—собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ; Училищу правовѣдѣнія—всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40.000 р. для выдачи, попеременно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $1/3$ часть выдаваемой преміи и оставилъ 26.000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ. Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ Московскому университету, съ тѣмъ, чтобъ изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія.

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, лично себѣ

во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить*, потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ—*зачѣмъ жить*... Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія, на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Пускай же почіетъ съ любовію прахъ этого выдающагося человѣка у Спаса-на-Сѣтуни, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и понятая покойнымъ! Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣй и шире; хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: „Ты былъ прежде всего человѣкомъ, ты послужилъ родинѣ всѣми силами души, — ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ, почивай, *братъ нашъ*!“